

Новооткрытая новгородская икона XV века «Избранные святые» в частном собрании в Москве. Особенности иконографии и стиля

© 2020

УДК 75.046(470.24-25)"14"
ББК 85.14

Поступила в редакцию 6.04.2020

Среди дошедших до нашего времени русских икон, хранящихся преимущественно в крупных музейных собраниях России, видное место занимают памятники XIV–XV вв., связанные с культурой Новгорода и его земель. Значимость сохранившихся новгородских произведений, не уступающих по художественной выразительности московским, среднерусским или псковским, особенно заметна при обращении к искусству XV в., того периода, в памятниках которого героическое начало новгородских образов столь сильно отличается от тонкой созерцательности московских произведений. По всей вероятности, значительное место новгородских икон в русском наследии XV в. объясняется не только содержательностью местной культуры, но и несколько большей сохранностью ее памятников — как в самом Новгороде, так и на периферии. Активная художественная жизнь Центральной Руси в более позднее время, перестройка храмов и обновление их убранства — все это влекло за собой исчезновение многих ранних памятников на указанной территории, тогда как в Новгороде и его землях подобных переделок было несколько меньше. Значительная роль сохранившихся новгородских икон XV в., на фоне более скудного количества памятников из других регионов, а также интерес исследователей к местному искусству с полной очевидностью выступают при обзоре научных публикаций, выходящих начиная с середины прошлого века: это книга В.Н. Лазарева, опубликованная вскоре после окончания Великой Отечественной войны, разрушившей многие новгородские памятники [Лазарев, 1947], главы в томе издававшейся Академией наук СССР «Истории русского искусства» [История русского искусства, 1954], каталоги музейных выставок [Живопись древнего Новгорода, 1979], научные каталоги новгородских икон в музейных собраниях [Смирнова, 1976; Смирнова, Лаурина, Гордиенко, 1982; Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века, 2008], альбомы [Новгородская икона, 1983].

Казалось бы, иконы Новгорода XV в. уже собраны и исследованы. Тем не менее время от времени все еще обнаруживаются новые, доселе неизвестные произведения этого рода. Один из выразительных примеров — двухрядная икона «Избранные святые», поступившая в 2019 г. в формирующуюся частную коллекцию Н.В. Шутова в Москве [ил. 1]. В относительно быстром сложении этой коллекции отражается интенсификация частного собирательства икон, разворачивающегося в последнее время как продолжение процесса, который, после активного периода в XIX и начале XX в., со всей очевидностью возобновился еще в последней трети прошлого столетия [см., например: Древнерусская живопись, 1975; Шедевры русской иконописи, 2009].

В момент приобретения икона находилась не под записью, а лишь под толстым слоем потемневшего покровного лака, который был удален в 2019 г. высококвалифицированным реставратором и исследователем древнерусского искусства В.В. Барановым. В нижнем ярусе сохранились поновления XIX в., исполненные, возможно, в старообрядческой среде. Открывшаяся первоначальная живопись отличается на редкость высоким художественным качеством, а также яркими нюансами иконографического и образного решения. Некоторые особенности новооткрытого памятника заставляют по-новому посмотреть на общую картину иконописи Новгорода XV столетия.

Размер произведения — средний для икон с избранными святыми: 80,5 × 59,8 см. Доска — классическая для русской иконной традиции: липовая, тесаная, тонкая, из двух частей, с двумя первоначальными тыльными односторонними врезными шпонками. Икона имеет хорошую сохранность: вставки грунта, в сочетании с поздней живописью, обнаруживаются только у нижнего края на медальонах со святыми. Мелкий кракелюр на первоначальной живописи образует небольшие квадратики и продольные полоски, что говорит о высоком качестве иконного левкаса (грунта).

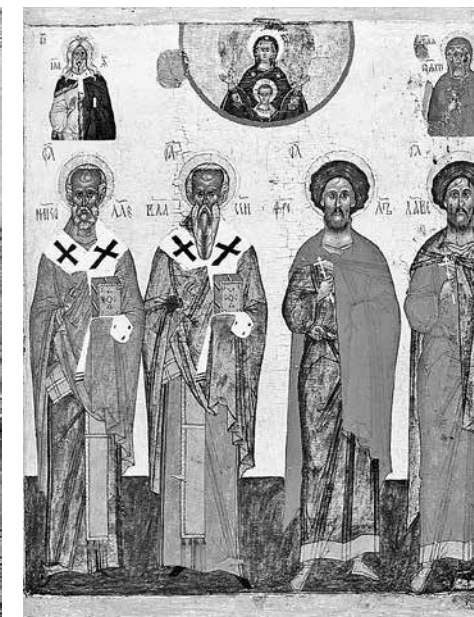
Композиция разделена на два яруса. В верхнем, основном, ярусе в рост представлены слева двое святителей («отцов церкви») — св. Власий Севастийский и Василий Великий, а вслед за ними, правее, — св. мученики Флор и Лавр. В невысоком же нижнем ярусе, служащем как бы цоколем для главной композиции, помещены три поясные фигуры в медальонах: свв. Козьма и Демьян и св. мученица Анастасия.

Как известно, в новгородской иконописи XV в. все названные персонажи (за исключением, пожалуй, Василия Великого, образ которого используется в развернутых деисусных чинах или в композициях с двумя другими святителями — Иоанном Златоустом и Григорием Богословом) часто изображаются в составе избранных святых, причем в разных композиционных и иконографических решениях. Иногда это ряды фигур (в один или — реже — в два яруса, в рост или по пояс), без специальных дополнительных акцентов. Таковы, например, хранящиеся в ГРМ иконы из собрания Н.П. Лихачева «Св. Никола, Илья, Параскева Пятница и Власий» [Смирнова, Лаурина, Гордиенко, 1982. Кат. 22], «Св. Флор, Иаков Иерусалимский („Брат Господень“) и Лавр» [Там же. Кат. 50].

ил. 1 Избранные святые. Новгородская икона. Третья четверть XV в.
Собрание Н.В. Шутова, Москва

fig. 1 Selected saints. Novgorod Icon. Third quarter of 15th century
From the collection of V. Shutov, Moscow

ил. 2 Избранные святые: Флор, Иаков Иерусалимский и Лавр. Новгородская икона. XV в.
Из собрания Н.П. Лихачева. ГРМ

fig. 2 Selected saints: Florus, James brother of Jesus, and Laurus. Novgorod icon
15th century. From the collection N.P. Likhachev. State Russian Museum

ил. 3 Избранные святые: Никола, Власий, Флор и Лавр, с Богоматерью Знамение, Ильей Пророком и Параскевой Пятницей. Новгородская икона. Конец XV — начало XVI в.
Из собрания С.П. Рябушинского. ГТГ

fig. 3 Selected saints: Nicola, Blaise, Florus and Laurus with Our Lady of the Sign,
Elijah and St Paraskeva Pyatnitsa. Icon from Novgorod. Late 15th — early 16th century
From the collection of S.P. Ryabushinsky. State Tretyakov Gallery

В других случаях в верхней зоне композиции, над фигурами святых изображается Богоматерь Знамение — особо важный символический мотив новгородской культуры XV столетия, напоминающий о небесном покровительстве великому городу и о его древней святыне — иконе XII в., ныне находящейся в соборе Св. Софии в Новгороде. Таковы, например, еще два хранящихся в ГРМ произведения: «Илья, Никола, Иоанн Предтеча» (средник складня, из с. Вёгорукса в Карелии), икона «Варлаам Хутынский, Иоанн Милостивый, Параскева и Анастасия», из собрания В.А. Прохорова [Смирнова, Лаурина, Гордиенко, 1982. Кат. 59 и 44].

В нашей иконе соподчиненность композиционных частей выявляется использованием двухъярусной структуры, с вариациями в трактовке ярусов. Четыре фигуры верхней, основной зоны показаны в рост, а три образа в нижней зоне — по пояс, в медальонах. Можно предположить, что такая композиция отчасти зависит от приемов в монументальной живописи. Сопоставление ярусов с фигурами в рост и фигурами по пояс, нередко помещенными в медальоны, широко известно в византийской и поствизантийской живописи, а также

обнаруживается в плохо сохранившейся росписи XV в. в церкви Св. Сергия Радонежского в новгородском Детинце [Лифшиц, 1987. С. 39–40, 516–517. Ил. 380–394]. Среди стенописей византийского мира укажем, например, ансамбли Раваницы и Ресава, позднепалеологовского периода [Джурич, 2000. Ил. с. 526].

В новооткрытой новгородской иконе узкий фриз с медальонами расположен не над фигурами в рост, как мы это видим в храмовых росписях византийского мира, а под ними. Вероятно, в таком расположении сыграло свою роль желание подчеркнуть большее значение тех образов, которые представлены именно в рост. Нижний ярус становится как бы фундаментом, опорой для основной части изображения.

Сочетание двух ярусов, проходящих по всей ширине композиции, со святыми как в рост (вверху), так и по пояс в крупных медальонах (внизу), — первая редкая особенность новооткрытой иконы.

При этом в подборе изображенных святых звучит определенная тема, а именно мотив целительства. Если в основном регистре изображены св. Власий, Флор и Лавр, в почитании которых обычно больше всего подчеркивается их покровительство животному миру (включая целительство), но никакими специальными атрибутами эти образы не наделены, то фигуры нижнего ряда изображены именно как лекари, врачи, имеющие прямое отношение к исцелению не только животного мира, но и человеческого рода. Козьма и Демьян показаны с сосудами или ларчиками, в которых содержатся лекарства, а в правой руке у каждого — белая палочка, врачебный инструмент. Св. Анастасия, с крестом в правой руке, левой рукой поддерживает узкогорлый сосуд с лекарством. Сочетание названных фигур в единой композиции находит параллель в других новгородских иконах. Наиболее выразительные аналогии можно констатировать в новгородских иконах XV в. «Флор, Иаков Иерусалимский и Лавр» из собрания Н.П. Лихачева (ГРМ) [Смирнова, Лаурина, Гордиенко, 1982. Кат. 50] [ил. 2] и «Никола, Власий, Флор и Лавр», в которой вверху добавлены изображения Богоматери Знамение, пророка Ильи и мученицы Параскевы, из собрания С.П. Рябушинского (ГТГ) [Лазарев, 1969. Табл. 43] [ил. 3]. Во всех этих случаях перед нами иконы именно «избранных» святых, выделенных в соответствии с особенностями их почитания. Характерные для искусства Новгорода, Пскова, а также северных провинций, они не столь часто встречаются в живописи Москвы и Средней Руси.

Вызывает вопросы изображение в нашей иконе св. Василия Великого. Он, кажется, не входит в число целителей, в отличие от остальных изображенных святых. Его образ деликатно выделяется композиционным расположением. Фигуры Флора и Лавра сближены между собой, а фигура Василия Великого несколько отделена цезурами от обеих соседних. Можно предположить, что образ св. Василия связан либо с именем заказчика, либо с посвящением какого-то храма или придела, для которого предназначалась икона.

Хорошее состояние живописи позволяет оценить художественные приемы иконописца. Это, во-первых, на редкость метко переданные внешние особенности святых. Так, св. Власий отличается не только старческим возрастом, но и мягкостью выражения лица с мелкими чертами. Св. Василий Великий

ил. 4 Св. Козьма. Деталь нижнего яруса иконы «Избранные святые». Собрание Н.В. Шутова, Москва

fig.4 Saint Cosmas. Details of the lower tier of the icon *Selected Saints* From the collection of N.V. Shutov. Moscow

ил. 5 Св. Флор и Лавр. Деталь иконы «Избранные святые». Собрание Н.В. Шутова, Москва
fig.5 Saints Florus and Laurus. Detail of the icon *Selected Saints*. From the collection of N.V. Shutov. Moscow

характеризуется силуэтом головы, большой темной бородой, формой крупного лба, рисунком бровей, подглазных теней.

Если обратиться к изображению св. Козьмы [ил. 4] — единственному не плохо сохранившемуся в нижней зоне иконы, то мы обнаружим не только запоминающуюся асимметрию фигуры, переданную атрибутами, жестом, рисунком драпировок, но и острую характерность лика, где взгляд направлен чуть влево (от зрителя), словно за пределы иконы.

Наиболее выразительно представлены св. братья Флор и Лавр [ил. 5]. Их фигуры сближены, даже прижаты друг к другу, силуэты сходны, оба святых одинаково держат восьмиконечные белые кресты. Однако в изображениях есть и вариации. В одеяниях обоих святых использована киноварь, но у Флора это хитон, а у Лавра — гиматий. В дополнение к киноварному хитону у Флора дан синий гиматий, а у Лавра, при красном гиматии, — светло-лиловый хитон. Левая рука Флора показана в жесте приятия благодати (ладонь, открытая наружу), а у Лавра левая рука скрыта плащом.

Самое же тонкое, самое содержательное различие обнаруживается между ликами Флора и Лавра. Лик Флора изображен фронтально, голова покоится на мускулистой шее, под которой намечены ключицы. В выражении лика, где задумчивый взгляд обращен чуть вправо (от зрителя), ощущаются мужественность и сила. Между тем образ Лавра дан чуть-чуть в ракурсе, контур головы и черты лика кажутся несколько мельче, внутренние концы бровей слегка приподняты,

В этом лике нет того выражения несокрушимости, которое характерно для лика Флора. Это образ более хрупкий. Вместе с тем силуэты мощных фигур, духовная активность обоих святых, энергия живописных мазков вызывают в памяти образы новгородских фресок предыдущего столетия, указывая как на роль этой традиции в новгородском искусстве XV в., так и на ее трансформацию.

Как мы видим, редкая для искусства XV в. особенность новооткрытой иконы состоит в тонких вариациях образов, их «полифонии», в отличие от «унисонности» характеристик в большинстве дошедших до нас новгородских икон этого времени. Для новооткрытого произведения характерны нюансы отдельных изображений, а для основного массива сохранившихся новгородских икон XV в. — единство, сходство героических образов.

Складывается впечатление, что своей изысканной вариативностью образных характеристик новооткрытая икона с избранными святыми выделяется среди большинства дошедших до нас новгородских памятников XV столетия. Она исполнена, несомненно, в одной из самых значительных новгородских мастерских. (Вопрос об иконописных мастерских XV в. в Новгороде остается слабо изученным.)

Как уточнить время создания нашего памятника в рамках XV столетия? Несмотря на обширную литературу, посвященную новгородской иконописи этого времени, у исследователей не сложилось четкой концепции для узкой датировки ее произведений. Если в искусстве Москвы первой трети — первой половины века звучат, в той или иной мере, в той или иной форме отголоски искусства Андрея Рублева и его круга, а в последней трети века — отдельные интонации искусства Дионисия, то в живописи Новгорода эволюционные перемены происходят более сложными и многообразными путями. Казалось бы, в поисках надежной базы для датировки новгородских икон можно прибегнуть к их сравнению с памятниками местного книжного искусства, а именно с миниатюрами новгородских рукописей того же XV в., которые получают относительно узкую датировку на основе палеографических признаков [Смирнова, 2011]. Однако такое сравнение решает проблему с иконами лишь отчасти, в силу специфики разных видов искусства. Фигуры в миниатюрах новгородских рукописей XV в. — это преимущественно «авторские портреты», в их образах преобладает скорее внутренняя сосредоточенность составителей текстов, нежели деятельная активность, часто обнаруживающаяся в иконных изображениях.

Возвращаясь к иконописи, отметим, что в новгородских иконах XV в., если рассматривать их в целом, проступают совсем другие стилистические ориентиры, чем в московских произведениях. Это не искусство, связанное с наследием рублевского художественного мира, с его гибкими линиями, плавным ритмом и созерцательностью в выражении ликов, как это было в московской иконописи, а энергичные и напряженные образы из другого пласта в позднепалеологовской живописи — из пласта, ярко отразившегося в новгородских стенописях конца предыдущего столетия. Мы видим в новгородских иконах XV в. простые ритмы, настойчиво повторяющиеся или слабо варьирующиеся силуэты крепких фигур, решительные лики (иногда с чуть сдвинутыми бровями).

Создается впечатление, что если в московской живописи всего XV столетия сохраняется, в той или иной степени, в той или иной интерпретации, поэтика искусства начала этого столетия, рублевского художественного мира, то в живописи Новгорода просвечивает, пусть и в деликатной форме, традиция экспрессивных, героических образов XIV столетия.

С каким этапом XV в. следует связать создание нашего памятника? От этого столетия сохранилось слишком мало датированных новгородских икон, чтобы найти точный ориентир для датировки новооткрытого произведения. Представляется, что новая икона не может быть отнесена ни к раннему XV столетию, ни к его концу. Наиболее вероятно ее исполнение в середине — третьей четверти столетия. По насыщенности образной характеристики икону можно отнести к тому же времени, что и иконы Деисусного чина из Гостинополья в ГТГ, 1460-х — начала 1470-х гг., миниатюры новгородского Островского («ключника Пимена») Евангелия 1468 г. (Историко-художественный и архитектурный музей «Новый Иерусалим») [Смирнова, 2011. С.126–131]. Икона приблизительно одновременна с такими значительными произведениями, хранящимися в Новгородском музее, как «Деисусный чин и молящиеся новгородцы» (с условной датировкой 1467 г.) и «Битва суздальцев с новгородцами» [Лазарев, 1969. Табл. 49–53; Смирнова, Лаурина, Гордиенко, 1982. Кат.28, 18; Иконы Великого Новгорода, 2008. Кат.40, 42 (авт. А.С. Преображенский, Е.В. Гладышева, Л.В. Нерсесян)], хотя и не имеет конкретных стилистических перекличек ни с одной из них. Значение новооткрытой иконы состоит в том, что она является ярким памятником одного из важнейших художественных направлений в новгородской иконописи XV столетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Джурич В. Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М.: Индрик, 2000. 588 с.
- Древнерусская живопись. Новые открытия. Каталог выставки (Из частных собраний) / Вступ. ст. А. Логиновой. М.: Советский художник, 1975. Б.п., 77 кат. описаний.
- Живопись древнего Новгорода и его земель XII–XVII столетий. Каталог выставки / Вступ. ст. и ред. В.К. Лауриной; авт.-сост. В.К. Лаурина, Г.Д. Петрова, Э.С. Смирнова. Л.: Гос. Русский музей, 1979. 96 с.
- Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века / Ред. Е.В. Гладышева, Л.В. Нерсесян, А.С. Преображенский. М.: Северный паломник, 2008. 550 с.
- История русского искусства. В 13 т. Т. 2 / Под ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова, В.Н. Лазарева. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 397 с.
- Лазарев В.Н. Искусство Новгорода. М.; Л.: Искусство, 1947. 178 с.
- Лазарев В.Н. Новгородская иконопись. М.: Искусство, 1969. 199 с.
- Лифшиц Л.И. Монументальная живопись Новгорода XIV–XV веков. М.: Искусство, 1987. 524 с.
- Новгородская икона XII–XVII веков / Вводная ст. Д.С. Лихачёва; авт. вступ. ст. и коммент. В.К. Лаурина, В.А. Пушкарёв. Л.: Аврора, 1983. 345 с.
- Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М.: Наука, 1976. 388 с.

Смирнова Э.С. Искусство книги в Средневековой Руси. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М.: Северный паломник, 2011. 559 с.

Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М.: Наука, 1982. 556 с.

Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков из частных собраний. Каталог / Науч. ред. И.А. Шалина. М.: Частный музей русской иконы, 2009. 591 с.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Новооткрытая новгородская икона XV века «Избранные святые» в частном собрании в Москве. Особенности иконографии и стиля

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Энгелина Сергеевна — доктор искусствоведения, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991; главный научный сотрудник, Государственный институт искусствознания, Москва, 125009, Козицкий пер., д. 5. engelina32@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена новгородской иконе XV в., «Избранные святые», которая в 2019 г. была приобретена формирующимся в Москве частным собранием Н.В. Шутова и раскрыта из-под потемневшей олифы В.В. Барановым. В основном, верхнем, ярусе иконы изображены свв. Власий, Василий Великий, Флор и Лавр (все, кроме Василия Великого, связаны с темой исцеления, при акценте на лечение скота, но с учетом и более широкого смысла), а в относительно узком нижнем ярусе — свв. Козьма, Демьян и Анастасия (все трое — с атрибутами врачей-целителей). Новооткрытое произведение относится приблизительно к середине — третьей четверти XV в. и является одной из лучших среди известных сейчас новгородских икон этого столетия. Возможно, героический оттенок в образной характеристике святых, представленных в новгородской иконе XV в., отражает сохраняющуюся в местном искусстве художественную традицию предшествующего столетия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Икона, новгородская живопись, святые целители, избранные святые, двухъярусная композиция, вариации образов, традиции палеологовского искусства.

TITLE

Newly Discovered Novgorod Icon of the 15th Century *Selected Saints* from a Private Collection in Moscow. Iconography and Style

AUTHOR

Smirnova, Engelina Sergeevna — Full Doctor, leading researcher, The State Institute for Art Studies, Kozitsky pereulok, 5, 125009 Moscow, Russian Federation; professor, Lomonosov Moscow State University, Lomonosovskii Prospekt, 27, korpus 4, Faculty of history, 119192 Moscow, Russian Federation. engelina32@mail.ru

АБСТРАКТ

The article is dedicated to the 15th century Novgorod icon with *Selected Saints*, purchased in 2019 for the private collection of N.V. Shutov, recently founded Moscow. The icon was cleared

from under darkened varnish oil by V.V. Baranov. The main upper tier of the icon depicts St. Blaise, Basil the Great, Florus, and Laurus (all but Basil the Great are associated with the theme of healing, with an emphasis on the treatment of livestock, but also with a broader meaning). The relatively narrow lower tier shows Saints Cosmas and Damian and Anastasia (all three with attributes of healers). The newly discovered work belongs to approximately the middle — third quarter of the 15th century. It is one of the best known Novgorod icons of this century. Perhaps the heroic tone with which the images are rendered in the Novgorod icon of the 15th century reflects the artistic tradition of the previous century preserved in local art.

KEYWORDS

Icon, Novgorod painting, saint healers, selected saints, two-tiered composition, variations of images, traditions of Palaeologian art.

REFERENCES

- Dzhurich V. *Vizantiiskie freski. Srednevekovaia Serbiia, Dalmatsiia, slavianskaia Makedoniia (Byzantine Murals. Medieval Serbia, Dalmatia and Slavic Macedonia)*. Moscow, Indrik Publ., 2000. 588 p. (in Russian).
- Gladysheva E.V., Nersesian L.V., Preobrazhenskii A.S. (eds.) *Ikony Velikogo Novgoroda XI — nachala XVI veka (Veliky Novgorod Icons of 11th — early 16th centuries)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2008. 550 p. (in Russian).
- Grabar' I.E., Kernenov V.S., Lazarev V.N. (eds.) *Istoriia russkogo iskusstva (v 13-ti tomakh). T. 2 (History of Russian Art in 13 volumes, vol. 2)*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1954. 397 p. (in Russian).
- Laurina V.K., Petrova G.D., Smirnova E.S. (eds.) *Zhivopis' drevnego Novgoroda i ego zemel' XII–XVII stoletii. Katalog vystavki (Painting of Old Novgorod and its Lands in 12th–17th centuries. Exhibition Catalogue)*. Leningrad, Gosudarstvennyi Russkii muzei Publ., 1979. 96 p. (in Russian).
- Lazarev V.N. *Iskusstvo Novgoroda (Art of Novgorod)*. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1947. 178 p. (in Russian).
- Lazarev V.N. *Novgorodskaia ikonopis' (Novgorodian Painting)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969. 199 p. (in Russian).
- Lifshits L.I. *Monumental'naia zhivopis' Novgoroda XIV–XV vekov (Murals of Novgorod in 14th — 15th centuries)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987. 524 p.
- Likhachev D.S., Laurina V.K., Pushkarev V.A. (eds.) *Novgorodskaia ikona XII–XVII vekov (Novgorodian Icon of 12th–17th centuries)*. Leningrad, Avrora Publ., 1983. 345 p. (in Russian).
- Loginova M. (ed.) *Drevnerusskaia zhivopis'. Novye otkrytiia. Katalog vystavki. Iz chastnykh sobraniy. (Russian Medieval Painting. New Discoveries. Catalogue. From Private Collections)*. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1975. n/p (in Russian).
- Shalina I.A. (ed.) *Shedevry russkoi ikonopisi XIV–XVI vekov iz chastnykh sobraniy. Katalog (Masterpieces of Russian Icon painting in 14th–16th centuries from Private Collections. Catalogue)*. Moscow, Chastnyi muzei russkoi ikony Publ., 2009. 591 p.
- Smirnova E.S. *Iskusstvo knigi v Srednevekovoi Rusi. Litsevye rukopisi Velikogo Novgoroda. XV vek (The Manuscript Illumination in Medieval Russia: Illuminated Manuscripts of Novgorod the Great. Fifteenth Century)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2011. 559 p.
- Smirnova E.S. *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. Seredina XIII — nachalo XV veka (Painting of Veliky Novgorod. Middle 13th — early 15th centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 388 p. (in Russian).
- Smirnova E.S., Laurina V.K., Gordienko E.A. *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. XV vek (Painting of Novgorod the Great. 15th Century)*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 556 p. (in Russian).